

— Система, мне сейчас... немного не по себе. — Тан Ли сглотнула и добавила: — Тебе стоит научиться ценить это, ведь я сказала одну из немногих честных вещей в своей жизни.

Система подбодрила её:

— Не дрейфь! В худшем случае нас просто отправят обратно к Точке сброса, начнем заново, делов-то.

— Легко тебе говорить, когда это происходит не с тобой. — Тан Ли шагнула в комнату и плотно прикрыла дверь, стараясь не дать феромонам распространиться дальше.

К счастью, это были лишь остаточные следы, они не слишком сильно влияли на Тан Ли, так что она должна была сохранить ясность ума.

На полу валялись разбросанные документы и упаковки от использованных ингибиторов. Тан Ли молча пересчитала их и остолбенела: три ампулы. Она что, сошла с ума?

Ингибиторы лишь временно подавляли феромоны. Если представить тело как стакан, наполненный водой, то ингибитор — это крышка. Однако количество воды внутри не уменьшается, а со временем может даже возрасти, поэтому стоит лишь снять крышку, как вода неизбежно хлынет через край. Особенно опасным это становилось при передозировке: возникали тяжелые побочные эффекты — высокая температура, бред, спутанность сознания.

Тан Ли положила шоколад, осторожно ступая между листами бумаг, и огляделась. Кабинет был разделен на рабочую зону со столом и небольшую гостиную для приема посетителей. Из угла, где стоял диван, донесся шорох. Тан Ли тихо подошла ближе.

Чу Чисы лежала на боку, разметав длинные волосы по подушке. Из-под закатанных рукавов виднелись следы от уколов ингибиторов. Она прикрывала лицо рукой, её дыхание было прерывистым и рваным.

— Чисы? Чу Чисы?

Тан Ли позвала её шепотом, и Чу Чисы тут же повернула голову. Её кожа, и без того бледная, сейчас казалась почти прозрачной, кончик носа слегка покраснел, а глаза подернулись влажной дымкой. Она выглядела так незащитно, что сердце сжалось от жалости.

— Моя... та штука. — Чу Чисы смотрела на неё, её ясные, глубокие глаза светились детской обидой. — Она пропала.

Тан Ли ожидала чего угодно: что та, как обычно, будет язвить, пряча за улыбкой кинжалы, или встретит её холодным равнодушием, отталкивая на километр. Эта бессвязная фраза застала её врасплох.

Система тоже растерялась:

— Что происходит? Она что, бредит от жара?

Тан Ли опустилась на колени у дивана и, осторожно взяв её за руку, тихо спросила:

— Какая штука пропала?

Чу Чисы не сопротивлялась. Её гладкая, нежная кожа, касавшаяся ладони Тан Ли, была горячей.

— Мой Таньюань пропал. Такой большой, розовый, очень милый. — Чу Чисы пробормотала это с такой детской мягкостью: — Кто-то подарил его мне, я так его любила, но нигде не могу найти.

Тан Ли замерла и прошептала Системе:

— Неужели она говорит о той плюшевой игрушке Кирби на диване?

Система отозвалась:

— Да не может быть... правда?

— Ха-ха-ха, конечно, нет. — Они обе сделали вид, что ничего не слышали.

Хотя вчерашняя картина, где Чу Чисы обнимала игрушку, выглядела довольно гармонично, мысль о том, что такая ледяная женщина может любить мягкие игрушки, казалась им чем-то пугающим.

Тан Ли хотела отстраниться, но Чу Чисы перехватила инициативу, взяла её руку в свою и крепко сжала.

— У тебя такое красное лицо, и запястья горят, — прошептала Тан Ли, поглаживая её.

Кожа Чу Чисы была тонкой, сквозь неё просвечивали слабые голубоватые вены, переплетающиеся с костями, словно хрупкие ветви дерева.

Когда-то кто-то говорил Тан Ли, что, хотя это и ненаучно, ему нравится гипотеза о мультивселенной: каждый раз, когда человек делает выбор, вселенная расщепляется, создавая новые миры для каждого варианта. Это одновременно начало и конец — огромное древо, чьи ветви уходят в бесконечность, ведя людей по разным путям. Но ученые Северного Альянса уже доказали, что время течет лишь в одном направлении, а мир существует в единственном экземпляре, так что теория невозможна.

Но если бы она была правдой? Тан Ли хотела спросить её:

Прожив тысячи жизней, совершив тысячи выборов, отказавшись от тысячи возможностей — тот день, в котором ты оказалась сейчас... это действительно то, чего ты желала? Жалеешь ли ты о чем-то?

Она коснулась лба Чу Чисы — кожа пылала. Чу Чисы тихонько простонала, прильнула к прохладным пальцам Тан Ли, словно ласковая кошка.

— Лоб совсем горячий, похоже, жар совсем затуманил ей разум... Три дозы ингибитора, это же чистое самоубийство.

Тан Ли встала:

— Пойду за влажным полотенцем.

Система начала искать в базе данных:

— Что делать при высокой температуре? Сначала охладить тело, протереть шею теплой водой, бла-бла-бла...

Тан Ли выжала полотенце и принялась осторожно стирать капли пота со лба Чу Чисы. Та внимательно следила за ней своими темными глазами — без тени неприязни или тревоги, только с детским любопытством.

Одна капля воды скатилась к уголку глаза. Тан Ли хотела её вытереть, но Чу Чисы вдруг закрыла глаза, а затем резко распахнула их. На длинных ресницах дрожала капелька воды, уголки губ приподнялись, на щеках проступили крошечные ямочки, и она одарила Тан Ли ослепительной улыбкой.

— Ты такая добрая, — сказала Чу Чисы.

Сердце Тан Ли пропустило удар. Рука с полотенцем дрогнула, а щеки мгновенно вспыхнули. Эта улыбка была слишком опасным оружием! Если холодная красавица наносила Тан Ли сто единиц урона своим безразличием, то эта улыбка была критическим ударом в десять тысяч, опустошающим шкалу жизни в одно мгновение.

Даже Система едва не потеряла самообладание, запинаясь:

— Это... это и есть та самая цель уровня Ада, которая уничтожила тысячи охотников, даже не моргнув глазом? Какая у неё температура? Она что, совсем бредит?

— Выключи камеру! — рявкнула Тан Ли. — Это моя жена, имей хоть каплю профессиональной этики, нечего тут подглядывать!

Система лишь промолчала. Что за абсурдная логика.

<http://bllate.org/book/20012/1974733>